

Системные связи института юридической ответственности и политики

А.И. Глинда

В статье предлагается анализ взаимодействия института юридической ответственности с политикой и формулируется состав системных связей данных явлений на примере уголовного законодательства Республики Беларусь и нормативных правовых актов «особой необходимости». Предлагается сравнительно-исторический анализ изменений норм об ответственности, действовавших на территории Республики Беларусь, на основании которого, а также с учетом доктринальных суждений о влиянии политики на положения права, автор приходит к выводу о системном взаимодействии института юридической ответственности и политики посредством системных связей преобразования и развития, а также генетических связей, базирующихся на порождении необходимости охраны политических отношений и интересов.

Ключевые слова: институт юридической ответственности, политика, системное взаимодействие, системные связи координации, генетические системные связи, функциональные системные связи преобразования и развития.

The analysis of the interaction of the institution of legal responsibility with politics is offered. The composition of the system bonds between these phenomena under the criminal legislation of the Republic of Belarus and the normative legal acts of «special necessity» is formulated. A comparative historical analysis of the changes in the norms on liability in force on the territory of the Republic of Belarus is offered. Based on the analysis, as well as taking into account doctrinal judgments about the influence of politics on the provisions of law, the author comes to the conclusion about the systemic interaction of the institution of legal responsibility and politics through systemic links of transformation and development, as well as genetic links based on the generation of the need to protect political relations and interests.

Keywords: institution of legal responsibility, policy, system interaction, system bonds of coordination, genetic system bonds, functional system bonds of transformation and development.

В свете постоянного ускорения ритма общественной жизни и расширения политического участия, распространения и доступности информации особенно актуально исследование системных связей института юридической ответственности с политической реальностью.

Являясь открытой адаптивной системой, институт юридической ответственности чутко реагирует на внешние изменения среды, в том числе изменения, касающиеся иных социальных регуляторов.

Важность исследования характера взаимоотношений института юридической ответственности и политики вытекает из его охранительно-правовой природы. Политическая сила, ставшая государственной, имеет высокий уровень доступа к системе правотворчества и оказывает свое влияние, в том числе на институт юридической ответственности.

Как право с другими системами социального регулирования действует в одной реальности, но параллельно, по другим направлениям, так и институт юридической ответственности, как способ охраны правовых отношений, связан нитями координации по принципу «невмешательства» в отношении нравственного характера, воздаяние и предупреждение в сфере которых достигается собственными приемами и способами [1]. Такой способ связи представляется идеальным и во взаимодействии института юридической ответственности с политической составляющей социального регулирования. Однако степень участия политики в правовом регулировании заметно выше, что отражается и на отношениях ответственности.

В теории права предлагаются классификации взаимозависимостей в рамках системы юридической ответственности. Так, исходя из степени и результатов интенсивности, И.А. Кузьмин предлагает разграничивать три формы правовых взаимодействий с участием юридической ответственности: взаимодействия низкой степени интенсивности (в процессе таких взаимодействий ни юридическая ответственность, ни иные правовые явления не претерпевают явных существенных изменений, для выявления эффекта нужны длительные наблюдения); взаимодействия средней степени интенсивности (подобного рода взаимодействия производят явный эффект, при котором участвующие во взаимодействиях юридическая ответственность и/или иные правовые явления претерпевают фиксируемые изменения за непродолжительный промежуток времени);

взаимодействия высокой степени интенсивности (результатом данного вида взаимодействий выступают быстрые и принципиальные изменения взаимодействующих юридической ответственности и/или иных правовых явлений, вследствие чего нередко могут наблюдаться существенные деформации и изменения в их содержании и структуре) [2, с. 60–61].

На основе сравнительно-исторического анализа действующего белорусского законодательства рассмотрим характер взаимодействия и определим виды системных связей института юридической ответственности с политикой.

Существующая система социального регулирования досталась нам в наследство от советского общества, в условиях которого был осуществлен насильственный переход от религиозно (православно)-морального к политико-центристскому типу социального регулирования [3]. Эта специфика естественным образом находит отражение, в том числе и в институте юридической ответственности.

Институт юридической ответственности, как часть системы права, которая формируется также и посредством развития законодательства, подвержен влиянию политического строения в текущий момент времени, а ввиду законодательного закрепления, предполагающего некоторую процедуру внесения изменений, – может сохранять влияние текущего политического запроса и после потери его актуальности.

В силу государственного принудительного элемента в механизме воздействия на правоотношения институт юридической ответственности может отражать как защиту действующего политического строя, так и инициативные проявления воздействия на общественные отношения путем изменения норм об ответственности в сторону послаблений или усиления в интересах сохранения власти.

Наличие такой связи наиболее заметно по истечении времени, как правило, после смены расстановки политических сил, когда «политические» нормы начинают отмирать, отменяться, или заменяться новыми, актуальными текущей политической ситуации.

Яркие примеры наглядно можно наблюдать, если проанализировать уголовно правовые акты позднего дореволюционного периода и двигаться к современному белорусскому уголовному закону.

Исследуя историю развития уголовного законодательства Беларуси о классификации преступлений по уровню их общественной опасности, С.В. Сыс отмечает важные моменты, свидетельствующие о взаимосвязи писанного уголовного права и политики.

Автор указывает, что в истории российского уголовного права вопрос о классификации уголовно-наказуемых деяний нашел свое отражение в законотворческой идеологии и практике Российской Империи в XVIII в. В оборот входят понятия «преступление» и «проступок». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сохранило деление уголовно-наказуемых деяний на преступления и проступки. Преступление предполагало посягательство на интересы Императора и государства, а также на наиболее охраняемые интересы общества и подданных, предоставленные законом. В свою очередь проступок предполагал «нарушение правил», а также не был связан с посягательством на интересы Императора и государства.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила подходы к уголовному законодательству. Новая советская власть не прислушивалась к представителям старой школы, отвергала предыдущий опыт развития уголовного права [4, с. 111].

Как отмечает С.Н. Сноп, в связи с отменой законов Российской империи и слабой законодательной базой советского государства в уголовном праве широко использовалось так называемое «революционное правосознание». Но главной причиной широкого использования революционного сознания являлась необходимость ведения гражданской войны и вооруженного подавления всякого сопротивления советской власти. В связи с этим законность подменялась революционной целесообразностью и революционным правосознанием [5].

Принятый Советом народных депутатов 22 ноября 1917 г. Декрет «О суде» № 1 классифицировал преступления по подсудности, в зависимости от опасности для революции [6].

Источниками уголовного права БССР в этот период были правовые акты России (постановления Съездов советов, декреты ВЦИК, декреты СНК, циркуляры и постановления НКЮ), а после создания БССР – соответствующие акты республиканских органов власти.

Минимальный и максимальный сроки лишения свободы не были определены, имели место приговоры к лишению свободы «до окончания гражданской войны». Зачастую не указывались вид и размер наказаний, а использовались указания на кару «по всей строгости революционных законов» или на «уголовную ответственность» [5].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. распространял своё действие и на территорию БССР, а с 1924 г. он стал именоваться Уголовным кодексом БССР. В силу ст. 27 данного кодекса преступления классифицировались по наличию пределов наказания, при этом такой предел зависел от наличия признака посягательства на советскую власть: «направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными, по которым определённый Кодексом низший предел наказания не подлежит понижению судом» и «все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого по суду наказания» [7].

Уголовный кодекс БССР 1928 г. также различал преступления направленные против основ советского строя и «все остальные».

Политическая направленность прямо декларировалась при формулировании задач кодекса, которые состояли в правовой защите государства трудящихся и революционного правопорядка от преступлений и от общественно-опасных элементов [8, ст. 5].

В Уголовном кодексе БССР 1960 г. «политический элемент» не очевиден на уровне законодательной классификации преступлений, однако его наличие проявляется через виды наказаний, которые нетипичны для действующего в настоящее время законодательства, а равно составы преступлений, характеризующих политически строй.

Термин «контрреволюционные преступления» был заменен термином «особо опасные государственные преступления». Государственным преступлением, например, являлась антисоветская агитация и пропаганда. Имущественные преступления были разделены на преступления против государственной (общественной) и против личной собственности, причем первые наказывались значительно строже [5].

Такие составы Уголовного кодекса БССР 1960 г., как «Измена Родине» (ст. 61), «Вредительство» (ст. 66), «Антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 67), «Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР» (ст. 80), «Нарушение законов об отделении церкви от государства, и школы от церкви» (ст. 139), «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» (ст. 150), «Спекуляция» (ст. 151), «Побег с места ссылки» (ст. 182), «Самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания» (ст. 183), «Побег из места заключения или из-под стражи» (ст. 184) [9], отражают дух политической эпохи, указывают на отношение действующей власти к нарушениям, затрагивающим привнесенную идеологию и посягающим на факт функционирования самой этой власти. Впоследствии они были декриминализованы.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК 1999 г.) значительно отличается демократической и гуманистической направленностью. При этом неразрывная связь политики с институтом юридической ответственности проявляется и сегодня.

Так, например, введение в период с 2003 по 2011 гг. в главу «Преступления против порядка управления» УК 1999 г. новых статей, в частности 369¹–369³, 371¹, 371² [10], свидетельствует о новых угрозах государству в области внешней политики.

Помимо существующей ст. 369, предусматривающей наказание за оскорбление представителей власти, в 2005 г. УК 1999 г. дополнен ст. 369¹, которая устанавливает наказание за предоставление иностранному государству, иностранной или международной организации сведений, дискредитирующих Республику Беларусь или ее органы власти.

В 2011 г. введена в действие ст. 369² УК 1999 г., имеющая административную преюдицию. Ответственность полагается за получение, а равно хранение, перемещение иностранной безвозмездной помощи для осуществления экстремистской деятельности или других деяний, запрещенных законодательством Республики Беларусь, либо финансирования политических партий, союзов (ассоциаций) политических партий, подготовки или проведения выборов, референдумов, отзыва депутата, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, организации или проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, забастовок, изготовления или распространения агитационных материалов, проведения семинаров или других форм политической и агитационно-массовой работы среди населения.

В том же 2011 г. в соответствии со ст. 369³ УК 1999 г. введена уголовная ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий.

Еще два состава, попавших в УК 1999 г. в 2003 г. предполагают уголовное наказание за деяния, связанные с незаконными действиями, направленными на пересечение иностранными гражданами или лицам без гражданства границы Республики Беларусь (ст. 371¹ «Организация незаконной миграции» и ст. 371² «Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь»).

Яркой демонстрацией связи института юридической ответственности с политикой на примере действующего законодательства Республики Беларусь является возможность «срочного вмешательства» в нормативное ее регулирование со стороны исполнительной власти путем принятия временных нормативных правовых актов.

Так, в соответствии со ст. 101 Конституции Республики Беларусь в силу особой необходимости Президент по своей инициативе либо по предложению Правительства может издавать временные декреты, имеющие силу закона [11].

К примеру, Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» задан новый правоприменительный вектор в системе юридической ответственности в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

В целях развития предпринимательской инициативы, стимулирования деловой активности определено, что взаимодействие государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями основывается на следующих принципах:

- приоритетной направленности работы контролирующих (надзорных) органов на профилактику правонарушений, а не исключительно на привлечение к ответственности за совершенные субъектами хозяйствования нарушения;

- персонализации ответственности руководителя за надлежащую организацию деятельности субъекта хозяйствования, исключая причинение вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан;

- соразмерности наказания характеру совершенного субъектом хозяйствования правонарушения и наступившим в результате его совершения последствиям.

Декрет предусмотрел корректировку мер уголовной ответственности:

- максимальный отказ от назначения наказания в виде лишения свободы за совершение экономических преступлений;

- перевод отдельных составов экономических преступлений из категорий тяжких или менее тяжких в категории менее тяжких или не представляющих большой общественной опасности соответственно с учетом объективной общественной опасности совершения таких преступлений;

- минимизацию количества деяний с формальными составами;

- максимальный отказ от рассмотрения в отношении экономических преступлений такого обстоятельства, как «совершение преступления группой лиц или организованной группой», в качестве квалифицирующего признака, влекущего повышенную уголовную ответственность;

- увеличение крупного и особо крупного размеров ущерба, влекущего более строгую ответственность;

- исключение использования неоднозначных и оценочных определений в рамках уголовного законодательства [12].

Причины указанных новаций необходимо исследовать во взаимосвязи с социальной действительностью и изменяющимся укладом общественных отношений в экономической сфере, вместе с тем, форма закрепления, избранная для таких принципиальных решений (некая особая необходимость, на что указывает Конституция), свидетельствует о его политических предпосылках.

Таким образом, необходимо констатировать, что институт юридической ответственности неотделим от политики, несмотря на некоторое противоречие такого положения дел принципу справедливости. Эта зависимость вполне естественна, учитывая доступ политической силы, которую составляет власть, к нормотворческому процессу. Однако сама идея изменемости закона делает тезис о правильном понимании юридической ответственности с акцентом на принцип законности (в данном случае через принцип стабильности) практически недостижимым.

В научных исследованиях при признании политики и права регулятивными, взаимозависимыми системами общества, отмечается, что четкое разделение сферы и функций политики и права может иметь весьма существенное значение – способствовать преодолению некоторых опасных тенденций в развитии общества и его властных структур [13, с. 17].

Возможность использования писаного права в угоду политическим интересам замечена как в юриспруденции, так и в политологии. Как отмечает профессор Н.В. Сильченко, путем закрепления в законе форм собственности, избирательной системы, системы прав и обязанностей, других юридических приемов, можно обеспечить (и довольно надежно) государственную власть соответствующим социальным группам, имеющим вполне определенные

идеалы, которые они будут отстаивать как государственные идеалы, ссылаясь при этом на право и закон [14, с. 17–19]. Г.И. Козырев указывает, что политика, как особый вид регуляции социальной жизни, необходима для того, чтобы согласовывать интересы различных социальных слоев и групп, вырабатывать общие, обязательные для всех правила и нормы и осуществлять контроль за их выполнением. Вместе с тем в реальной жизни политика может быть использована как для всеобщего блага всех слоев общества, так и для защиты интересов господствующего класса в ущерб другим членам общества [15].

Важность коллективной (с участием представителей социальных групп) проработки вопросов, составляющих властную компетенцию, очевидна представителям и других направлений научной мысли. Так, исследователь в области философии техники Х. Ленк отмечает, что политикам, ученым, инженерам, проектировщикам и т. д. следовало бы осознать огромную значимость того положения, что эффективное междисциплинарное обеспечение и принятие во внимание множества перспектив, содействие универсалистов могут помочь нам уверенно, во всеоружии встретить опасности, связанные с односторонней деятельностью специалистов, с сиюминутными установками политиков, выработанными ими только «применительно» к периоду пребывания у власти на выборный срок. Это позволит требовать, чтобы политические решения не принимались по технократическим рецептам и непременно придерживались принципов гуманности, свободы и ответственности» [16, с. 22].

Институт юридической ответственности встроен в систему правового регулирования общественных отношений и неизбежно отражает взаимодействие общества и государства. Как отмечалось выше, характер данного взаимодействия в идеальном варианте выражается в системных связях координации, когда социальные регуляторы действуют сообща, но не вмешиваются в сферу действия друг друга. Юридическая ответственность, как институт системы права, построенный во многом на общем моральном представлении о добре и зле, характеризуется устойчивостью и во взаимосвязи с политикой не должен отступать от данного принципа, в то время как изменчивость крайне характерна для политики. В таком смысле связь координации должна быть уверенно прочной и бескомпромиссной, в целях недопущения использования института юридической ответственности в качестве инструмента политической игры.

Следует согласиться с профессором Н.В. Сильченко в утверждении, что закон должен быть гарантией тех экономических, политических и идеологических основ общества, которые он может отражать, смотря по обстоятельствам, иногда хорошо, а иногда и плохо. Рассуждения о гарантиях закона есть идеологически завуалированная форма оправдания несостоятельности и бессилия законодателя, вольно или невольно снимают с него ответственность за непродуманные, а иногда и просто «преступные» законы [14, с. 29–30].

Проведенный анализ показал, что связь политики и института юридической ответственности носит характер ситуативного преобразующего генетического воздействия, устанавливаются функциональные связи развития.

Фактически взаимосвязь политики и права проявляется таким образом, что политика и право выполняют общие функции и свои отдельные особые, специфические задачи. Так, право является своеобразным инструментом осуществления политики, который регулирует общественную жизнь, используя для этого принудительную силу государства.

Во взаимодействии института юридической ответственности и политики наблюдается генетическая связь, а также, в некоторой степени, иерархическое подчинение в рамках связей субординации и преобразования.

Функциональная роль права заключается в том, что оно выражает общечеловеческие интересы, определенные социальные стремления, волю большинства граждан общества или его доминирующей части, определяет права, свободы и обязанности граждан. Доступ к правотворчеству политических сил позволяет нормативно закреплять именно их интересы, что неизбежно находит отражение и в институте юридической ответственности.

В заключение предлагаются следующие выводы о системном взаимодействии института юридической ответственности и политики:

1. Взаимоотношения института юридической ответственности и политики следует отнести к взаимодействию высокой степени интенсивности.

2. Взаимодействие базируется на устойчивых внешних функциональных системных связях преобразования и развития, что заключаются в комплексном нормотворческом воздействии политических реалий на правовой институт, а также на генетических связях, основанных на порождении необходимости охраны посредством норм об ответственности политических отношений и интересов.

3. Связи координации, характерные для системного взаимодействия института юридической ответственности с иными (помимо права) системами социального регулирования, во взаимодействии с политикой значительно ослаблены и подвержены замещению связями преобразования.

Литература

1. Глинда, А. И. Связи комплексности в институте юридической ответственности [Электронный ресурс] / А. И. Глинда // Правовая культура в современном обществе. – Режим доступа : http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/2019010815_5122_pdf.pdf. – Дата доступа : 21.09.2020.

2. Кузьмин, И. А. Системная модель юридической ответственности : монография / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; Тип. «Иркут», 2018. – 186 с.

3. Сильченко, Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы [Электронный ресурс] / Н. В. Сильченко. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26280701_24779031.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

4. Сыс, С. В. История развития уголовного законодательства Беларуси о классификации преступлений по уровню их общественной опасности / С. В. Сыс // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2 (95). – С. 110–116.

5. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть : консп. лекций [Электронный ресурс] / С. Н. Сноп. – Режим доступа : http://ebooks.grsu.by/yg_pravo_konspekt/kontsevoj-titulnyj-ekran.htm. – Дата доступа : 22.08.2020.

6. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm. – Дата доступа : 28.08.2020.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.pravo.by/sm_full.aspx?guid=171023. – Дата доступа : 28.08.2020.

8. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : утвержден ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 г., введен в действие с 15 ноября 1928 г. – Режим доступа : https://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

9. Об утверждении Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 29 декабря 1960 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q_id=2263723. – Дата доступа : 22.08.2020.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа : 22.08.2020.

12. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 23 ноября 2017 г., № 7. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1>. – Дата доступа : 24.08.2020

13. Ирхин, Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права / Ю. В. Ирхин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 7–15.

14. Сильченко, Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избранные труды / Н. В. Сильченко. – Мн. : Право и экономика, 2020. – 200 с. – (Сер. «Научные труды белорусских ученых»).

15. Козырев, Г. И. Политическая конфликтология : учебное пособие / Г. И. Козырев. – М. : ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М (Высшее образование), 2008. – 432 с.

16. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; пер. с нем. под ред. В. С. Степина. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 183 с.